
Малое
собрание
сочинений

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

Малое
собрание
сочинений

Санкт-Петербург

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-5-44
Д 19

Перевод с итальянского
Ольги Чюминой, Абрама Эфроса, Евгения Солоновича

Серийное оформление Ильи Кучмы

Оформление обложки Виктории Манацковой

Данте Алигьери

Д 19 Малое собрание сочинений / Данте Алигьери ; пер. с ит. О. Чюминой, А. Эфроса, Е. Солоновича. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 608 с.

ISBN 978-5-389-18425-1

Данте Алигьери (1265–1321) — великий поэт и гуманист, убежденный сторонник объединения Италии и один из основоположников современного итальянского языка, патриот и, как это часто случается в эпоху перемен, изгнанник. Его влияние на мировую художественную литературу и на культуру в целом сложно переоценить.

Бессмертная «Божественная комедия», воссоздающая целую Вселенную; интимная, проникнутая глубоким лиризмом «повесть» о первой любви «Новая Жизнь», эмоциональные сонеты-послания — все произведения, представленные в настоящей книге, объединены темами любви, дружбы, движения души к свету и обновлению. Но ключевым связующим звеном между ними остается, конечно, их главный герой — сам Данте.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-5-44

- © С. С. Аверинцев (наследник), комментарии, 1965
- © Т. А. Быстрова, комментарии, 2013
- © А. Д. Михайлов (наследник), комментарии, 1965
- © Е. М. Солонович, перевод, 1968
- © А. М. Эфрос (наследники), перевод, 1934
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-18425-1

Божественная
комедия

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АД

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

На полпути земного бытия,
Утратив след, вступил я в лес дремучий¹.
Он высился, столь грозный и могучий,
Что описать его не в силах я
И при одном о нем воспоминанье
Я чувствую душою содроганье.
Ужаснее лишь смерть бывает нам;
Но, ради благ, найденных мною там, —
Скажу про все, увиденное мною.
Не знаю сам, как сбивчивой тропой
Я в этот лес таинственный вступил:
Глубоким сном я вдруг охвачен был.
Когда же я приблизился к холму,
Служившему границей той долине,
Где я блуждал в тревоге и кручине, —
Увидел я, как, разгоняя тьму,
Луч солнечный забрезжил на вершине,
И легче стало сердцу моему.
Утихнул страх — взволнованное море
Души моей смущавший в эту ночь,
Которую провел я в тяжком горе.
И, как пловец, успевший перевозмочь
Опасности, еще глядит на волны
И на берег выходит, страхом полный, —
Так, трепеща, туда я кинул взгляд,
Откуда нет живущему возврата
И ни один не приходил назад.

Почувствовав, что плоть моя объята
Усталостью, решил я отдохнуть
И, подкрепясь, опять пустился в путь.
Я шел вперед гористой дорогой
И встретился на самой крутизне
С пятнистою пантерой быстроногой²;
Преградою в пути являясь мне,
Ужасный зверь на месте оставался,
И сам бежать я тщетно порывался.

Был ранний час, и вот, окружено
Созвездьями, светило дня всходило,
Как в первый день, когда зажглось оно
Божественной любви святою силой.
Отрадою дышало все кругом,
И сам я ждал победы над врагом,
Но снова был тревогой роковою
Охвачен я: с поднятой головою
Свирепый лев³ моим очам предстал,
Он шел ко мне настойчиво и властно,
И голодом казался так ужасно
Терзаем он, что воздух трепетал.
Вослед ему шла тощая волчица⁴,
Чьей алчности неведома граница:
Томит людей желаньями она.
И вновь душа, отчаяньем полна,
Смутилася, и, повинуюсь взору
Чудовища, не смел идти я в гору.
И, наподобье жалкого скупца,
Когда, лишась навеки обладанья
Сокровищем, не в силах он рыданья
Сдержатъ в груди — я плакал без конца
И отступал пред нею к той долине,
Где гаснет свет. И там, в немой пустыне,
Я смертного увидел пред собой.
От долгого молчания безгласен
Казался он, и молвил я с мольбой:

— Призыв к тебе да будет не напрасен!
Кто б ни был ты: бесплотный светлый дух
Иль человек — склони к моленью слух,
Спаси меня в моей ужасной доле! —
И молвил он: — «Уж я не смертный боле,
Но смертным был при Юлии рожден.
Я жил во тьме языческих времен,
При Августе, и вместе с целым Римом
Благоговел пред божеством я мнимым.
Там, на земле, я также был поэт⁵,
И в песнях мной Анхизов сын воспет,
Бежавший прочь от Трои горделивой.
Но отчего обратно в эту тьму
Стремишься ты — не к светлому холму,
Не к высоте безгрешной и счастливой?»
И молвил я, склонив пред ним чело:
— Ужели ты — Вергилий несравненный,
Поэзии источник вдохновенный,
Струющийся обильно и светло?
Хвала тебе! И славою, и светом
Являешься ты всем другим поэтам.
Наставник мой, которого прилежно
Я изучал, заступником моим
Явись в беде, грозящей неизбежно!
Тобою был в труде руководим,
По милости твоей себе хваленья
Снискал и я в искусстве песнопенья.
Молю тебя, от зверя защити!
Идти вперед я более не в силах,
Смутился дух, и кровь мятется в жилах.

Ответил он: — «Ищи себе пути
Иного ты, чтоб выйти из пустыни.
Чудовище губило всех доныне,
И жертв его — несметное число.
Но алчности насытить не могло
Оно ничем: для жадности волчицы
Пределов нет, не может быть границы.

Со многими в союз войдет она,
Но будет Псом⁶ затем умерщвлена.
Алкающий не злата и земель,
Поставит он себе иную цель,
Почтив любовь, премудрость, добродетель.
От Фельтро и до Фельтро⁷ — та страна,
Где он со дня рождения — владетель.
Италия им будет спасена,
Та, для кого Камиллы непорочной
Струилась кровь, и смертью в час урочный
Погибли Турн и с Низом — Эвриал⁸.
Могучий Пес для мщения восстал.
Травя ее от града и до града,
Загонит он волчицу в бездну Ада,
Откуда зависть вызвала на свет
Чудовище. Последуй же, поэт,
За мною ты, я — твой путеводитель,
И вечности увидишь ты обитель;
Услышишь в той ужасной стороне
Стон грешных душ, мятущихся в огне,
Вторую смерть в отчаянье зовущих.
Увидишь ты и облегченья ждущих:
Со временем избавятся оне
И воспарят к обители блаженства.
Но, если ты захочешь вознестись
В тот светлый мир, в сияющую высь —
Есть существо, пределов совершенства
Достигшее, которому я сам
Тебя у врат небесных передам.
Воспитанный в преданьях ложной веры,
Я в райские не проникаю сферы⁹
И не могу к Господню алтарю
Тебя привести. Небесному Царю
Подвластно все, но там — Его чертоги,
Престол Его. Блаженны те стократ,
Кто в этот край не утерял дороги!»
И молвил я, волнением объят:

— О, заклинаю памятью о Боге,
Которому ты не служил, поэт,
Веди меня от этих зол и бед
В печальный край, описанный тобою,
И грешных скорбь да вижу пред собою, —
Оттуда же — к вратам Петра святым!

И он пошел, и я — вослед за ним.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Склонялся день к закату. Отдохнуть
Готовились все существа живые,
Лишь я один сбирался в трудный путь.
Опасности и скорби роковые,
Которые я испытал не раз, —
Да передаст правдивый мой рассказ.
О, гений мой, святое вдохновенье,
Взываю к вам из глубины души;
О, память, все, что знаешь, опиши!

Я начал так: — Поэт-путеводитель,
Пред тем как мы в подземную обитель
Сойдем с тобой, нам следует решить,
Под силу ли мне подвиг совершить?
Ты говорил, что Сильвия родитель,
Герой Эней, живым спускался в Ад
И невредим вернулся он назад?
Но жизнь его была Творцом хранима,
И смертного избегнул он одра,
Чтоб сделаться отцом великим Рима,
Где царствуют преемники Петра¹⁰.
И в странствии, прославленном тобою,
Он с папскою тиарой золотою
Обрел еще победу над врагом.
Позднее же с великим торжеством

Свершил тот путь и сам сосуд избранья,
Дабы извлечь и утвердить прочней
Учения Христова основанья.
Но как дерзну явиться в мир теней?
И кто мне даст на это дозволенье?
Не Павел я апостол, не Эней.
Меня во всем мудрее ты, сильнее;
Ты разреши мое недоуменье!

И так в уме я изменял решенье,
Которое созрело у меня.

И молвил дух: — «Не так ли, день от дня,
Мы подвигов, из трусости и лени,
Стараемся, где можно, избежать?
Не так ли зверь своей страшится тени?
Но ужас твой я властен разогнать.
Узнай же ты: меж призраков толпою
Покуда ждал с другими над собою
Последнего решения суда —
Предстал я там пред женщиной прекрасной.
Глаза ее сияли, как звезда,
И молвила, как ангел сладкогласный,
Мне вестница прекрасная в ответ,
Когда спросил, какие повеленья
Мне даст она? — „О Мантуи поэт,
Чьей славою исполнен целый свет
И для кого не может быть забвенья,
Спаси того, кто, убоясь преград,
В пустыне ждет, охваченный испугом,
И в ужасе готов бежать назад.
Он был моим, но не Фортуны другом¹¹.
Мне ведомо, что сбился он с пути.
Не поздно ли теперь его спасти?
Иди к нему и силой дивной речи
Остереги! С тобой искала встречи,
И привела сюда меня любовь.

Мне имя Беатриче, и к престолу
Господнему, Всевышнего глаголу
Покорная, я возвращаюсь вновь.
Там за тебя предстану я с мольбою!“

И молвил я: — Святая благодать!
Наш род земной возвысился тобою
Над всем, чему дано существовать.
Не повторяй усердного моления! —
Я с радостью исполню повеленье.
Скажи одно лишь: с горней высоты,
Из области надзвездного эфира,
Когда сюда, в пучину, сходишь ты,
Которая есть средоточье мира —
Ужель тебе пучина не страшна? —
И кратко мне ответила она:
— „Лишь одного всегда страшиться надо —
Вредить другим. Я так сотворена,
Что без вреда парю над бездной Ада.
Я не боюсь крошечного огня,
И скорбь земли не тяготит меня.
Заступница есть в горних небесах,
И, путника увидевши в слезах,
К которому ты послан для совета,
Она смягчила грозный приговор,
И Люции¹², носительнице света,
Готовой злу всегдашний дать отпор,
Так молвила: — «Во имя милосердия
Иди к тому, кто, потерявши путь,
Взывает к нам. Ты — враг жестокосердия —
Защитницей ему надежной будь!»
И Люция с своим небесным взглядом
Сказала мне, с Рахилью бывшей рядом:
— О Беатриче, Господу псалом!
Спаси того, кто борется со злом.
Любя тебя, житейским жалким стадом
Он пренебрег. Под бременем тоски

Он борется со смертью у реки,
Которая страшнее океана.

О, кто бы мог от бедствий и обмана
Бежать быстрее иль устремиться вслед
Давно уже намеченной добыче —
Как, услышав такую речь, поэт,
К тебе сюда спешила Беатриче!
Мудрей тебя и совершенней — нет:
В тебе ищу для странника опоры“.

Так, возведя сияющие взоры
Свои ко мне, вещала мне жена
Прекрасная, твою судьбу доверя.
Я поспешил и спас тебя от зверя,
Опасность мной теперь устранена,
И можешь ты взойти на холм спокойно.
К чему же ты питаешь недостойно
В душе своей сомнения и страх?
Три светлые жены на небесах
За жизнь твою возносят там моления»¹³.

Так говорил Вергилий. Как цветы,
Поникшие в ночи от дуновенья
Холодного, но в блеске красоты
Ожившие при солнечном сиянье,
Так и во мне воскресли упования,
И молвил я: — Благословенна ты,
Явившая святое состраданье!
И ты, поэт, как много доброты
В душе твоей, и как великодушно
Ты внял ее велениям послушно!
Тяжелый путь отважно предпринять —
Ты мужество внушаешь мне опять.
Мой славный вождь, наставник, повелитель!
Отныне воля нас одна ведет.
Ты будешь мне во всем руководитель.

Так я сказал, и он пошел вперед,
А вслед ему лесистою тропюю
Пошел и я уверенной стопою.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

За мною путь к обители печальной,
За мною те, кто мукам осужден,
За мною край, где вечный плач и стон.
Созданье я любви первоначальной
И правосудной мудрости Творца,
И в вечности пробуду без конца
Я, как и все, что в мире безначально.
«Кто б ни были входящие сюда,
Оставьте здесь надежду навсегда!»
Написаны над адскими вратами
Зловещими и черными чертами —
Виднелися те грозные слова.
И молвил я: — Значенье их ужасно! —
Но отвечал мой спутник и глава:
— «Откинь боязнь и не страшись напрасно!
Приблизимся! За этою чертой —
Обитель душ, сознания лишенных
И вечному безумью обреченных»¹⁴.

И, руку мне подавши с добротой,
Он ввел меня во тьму глубокой бездны,
Где небосвод, зловещий и беззвездный,
Был воплями и криком оглашен.

Заплакал я, печалью поражен.
Рыдания, исполненные муки
И ярости, речей безумных звуки
И всплески рук, тяжелый топот ног —
Сливалось все, крутилось, как песок,
Вздымаемый порывом вихря диким.

Охваченный смятением великим,
Воскликнул я: — Скажи, учитель мой,
Но кто же те, чьи вижу я страданья? —
Ответил он: — «Влачат существованье
Такое те, кто, живши на земле,
Был порицанию чужд и похвале.
Печальный род! Союзников ничтожных
Нашли они меж ангелов безбожных,
Которые, Творцу не изменив,
Но верности в душе не сохранив,
Лишь о себе имели попеченье.
Не приняли к себе их небеса,
Дабы небес чистейшая краса
Не омрачилась тенью преступления,
И самый Ад отвергнул их в презренье»¹⁵.
Но я сказал: — Учитель, тяжкий стон
Несется к нам сюда со всех сторон.
Исторгнут он мученьями какими? —
«Все объясню, — на это молвил он. —
Утрачена бесповоротно ими
Надежда смерть вторичную найти,
И худшее им легче бы снести»¹⁶.
Их след исчез подобно волнам дыма,
Отвергнуты они неумолимо
И милостью Господней, и судом,
Караемы презреньем и стыдом.
Взгляни на них и позабудь их! Мимо!»

Вдруг зная я увидел пред собой,
Что в воздухе неслоь не удержиимо,
И сонм людей за ним неумолимо
Бежал вослед несметною толпой.
Дивился я, что сенью гробовой
Поглощено живых людей так много.
Среди людей, бежавших той дорогой,
Немедленно я одного признал:
Из трусости высоким отреченьем

Себя навек преступный запятнал¹⁷.
В тех призраках, охваченных смятеньем,
Несчастный род узнать я сразу мог,
Которым Ад гнушается и Бог.
Язвимые слепней и мух роями
Внушали страх нагие их тела;
По лицам их струилась кровь ручьями
И, с жгучими смешавшись слезами,
Немедля пожираема была
Кишащими у самых ног червями.

И тут же я заметил вдалеке,
Насколько мог при слабом видеть свете, —
Толпу людей, теснившихся к реке.
И молвил я: — Но кто же люди эти?
Зачем спешат к отплытию они?
Прошу тебя, наставник, объясни!
— «Узнаешь это, — было мне ответом, —
Когда со мной минуешь Ахеронт»¹⁸.
И к берегу крутому за поэтом
Я двинулся, безмолвен и смущен.
Там по реке, бежавшей без журчанья,
Навстречу плыл в ладье своей старик¹⁹,
И молвил он, безжалостен и дик:
— «О горе вам, погибшие созданья!
Не думайте увидеть дня сиянье:
В моем краю царит повсюду ночь,
И жгучий зной сменяет холод лютый.
А ты, живой, беги от мертвых прочь,
Меж призраков не медли ни минуты!» —
И, увидав, что молча я стою,
Прибавил он: — «Ищи себе ладью
Иную ты, чтоб волны Ахерона
В ней переплыть!» — Но грозный гнев Харона
Сумел смягчить мой мудрый проводник.
Промолвил он: — «Не прекословь, старик!
Есть высшее на это повеленье²⁰,
Ему повиноваться ты привык».

И, укротив свирепое волнение,
Седой Харон смирился в тот же миг;
В очах его, орбитой окруженных
Багровою, угас безумный гнев.
Но сонмы душ, нагих и истомленных,
Услышали ответ. Освирепев
И яростно заскрежетав зубами,
Презренные осыпали хулами
Всевышнего Творца и бытие,
Родителей своих, места и время
Рожденья их, от семени их семя,
И с миром всем — рождение свое.
Затем они столпились со стоном
На берегу, которого нельзя
Избегнуть тем, кем правая стезя
Покинута. И, демоном Хароном
Сгоняемы при помощи весла,
Они в ладью, как листья без числа,
Развеянные бурей, валились.
Как соколы, что в небесах кружились,
Покуда их не отозвал назад
Призывный клич, — так поспешало в Ад
За тенью тень Адама поколение.
Пока ладья скрывалась в отдаленье,
Дабы к стране отчаянья пристать, —
На берегу стекалася опять
Толпа теней, и молвил благосклонно
Учитель мой: — «О милый сын, узнай:
Всех во грехе умерших неуклонно
Господень суд сгоняет в этот край,
И самый страх в желанье обращает
Узнать скорей грозящий им удел.
Переступить таинственный предел
Всем праведным Всевышний воспрещает,
Вот почему разгневался Харон».

Умолк поэт. Едва окончил он,
Как царство тьмы заколебалось с силой,

Что вызывает ныне на челе
Холодный пот. В долине слез унылой
Промчался вихрь, и молнии во мгле
Блеснули вдруг, как пламень красноватый.

И я упал, как будто сном объятый.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Раздавшийся внезапно гул и гром
Рассеял сон, и, сразу пробужденный,
Я поднялся и, осмотрясь кругом,
Припомнить я пытался, пораженный,
Где нахожусь? Я понял, что стою
Над бездною печали, на краю
Пучины той, где вопли и стенанья
Безумные, сливаясь, звучат,
Похожие на громовой раскат.
Напрасно я употреблял старанья,
Чтоб взорами проникнуть в глубину
Сквозь мрачную тумана пелену.
И произнес наставник мой, бледнея:
— «Иди за мной! В обитель вечной тьмы
И ужаса сойдем с тобою мы».
Но я вскричал, смущаясь и робея:
— Уж если ты, в ком я ищу и жду
Защитника, колеблешься, слабея, —
То как же я в подземный мир сойду? —
И молвил он: — «Терзаюсь не боязнию,
Но жалостью к казнимым тяжкой казнью.
Не медли же: суровый путь далек».
И в первый круг поэт меня увлек²¹.
Там слышались не крики и рыданья,
Но вздохами был воздух оглашен;
Исторгнуты тоскою без страданья,
Из уст детей, из уст мужей и жен

Неслись они. И произнес Вергилий:
— «Но что ж о них не спросишь ты меня?
Чуждаяся порока и насилий,
Любя добро и мудрость оценив,
В язычестве они, к несчастью, жили;
Закрыты им спасения врата,
Отверсты поборникам Христа,
Крещение принявшим. К этим людям
Причислен я. Не знавшие Творца,
Мы жаждою блаженства вечно будем
Томиться здесь без меры и конца»²².

И, услышав слова его, с тревогой
Я ощутил печаль в душе моей.
Увидел я в толпе страдальцев много
Прославленных в отечестве людей.
И я сказал: — Да укреплюся в вере,
Сомненья все рассеяв в полной мере!
Случалось ли по милости заслуг
Иль силою предстательства чужого
Кому-нибудь покинуть этот круг? —
И молвил он в ответ на это слово:
— «В загробный мир едва сошел я сам,
Когда во мрак, могуществом венчаный,
Спустился Муж, победой осиянный»²³.
Им вызван был наш праотец Адам,
Ной, Моисей, покорный воле Бога,
И царь Давид, и древний Авраам,
И сын его, трудившийся так много
Из-за любви к Рахили. Их вознес
С собой в страну блаженную Христос;
Их и других он в горние селенья
Вознес из тьмы; дотоле же спасенья
Здесь ни одна не ведала душа».

Беседуя так, шли мы не спеша
В лесу теней. Не удалясь, однако,

От адских врат, над полушарьем мрака
Увидел я мерцавший огонек,
И я спросил: — Кого всесильный рок
Избранником столь видимо отметил
И чей удел во мраке самом светел?
Кто все они? — «Им милость суждена
От Господа, — Вергилий мне ответил. —
Людьми, на все века и времена,
Прославлены везде их имена».
Тут над собой услышали мы слово:
— «Привет певцу, вернувшемуся снова
К друзьям своим!» — Чудесный глас утих;
Навстречу к нам из отдаленной сени
Приблизились четыре славных тени,
Но я не мог прочесть на лицах их
Ни радости, ни скорби. И учитель
Заговорил: — «Смотри: как повелитель,
С мечом в руке, вот шествует Гомер,
Поэтов царь; Гораций-обличитель,
Подавший всем правдивости пример,
Идет за ним, затем — Назон с Луканом,
И в этом сонме, славою венчанном,
По праву я приемлю похвалу».

Так, меж певцов позднейших поколений
Владыку²⁴ их, подобного орлу,
Парящему на крыльях песнопений, —
Увидел я. И, тихо меж собой
Поговорив, ко мне они с приветом
Приблизились; присутствовал при этом
С улыбкою руководитель мой.
Сугубой тут сподобился я чести:
В их славный круг я принят был шестым²⁵;
И к свету все мы двинулись вместе.
Но можно ли мне языком простым
Здесь передать о тех речах чудесных,
В подобный час и в том краю уместных?

И вот, семью стенами обнесенный,
Величественный замок нам предстал.
Вокруг него, прозрачный, как кристалл,
Вился ручей; друзьями окруженный,
Пройдя его и семеро ворот,
Я с радостью вступил на луг зеленый.
На том лугу, где вечно все цветет, —
Бродили тени, чуждые печали;
Их ясный взор был важен и глубок,
И облик их — величественно строг,
А речи их, когда они вещали,
Медлительно и сладостно звучали.
С открытого холма я видеть мог
Прославленные души в той долине
И трепещу от радости донныне,
Припоминая их. В стране теней
Явились мне: Электра с целым хором
Друзей своих, и Гектор, и Эней²⁶,
И Цезарь сам с его соколиным взором.
Увидел я Камиллу, а за ней —
Погибшую в бою Пентесилею,
Лукрецию²⁷. С Лавинией своей
И царь Латин²⁸ очам являлся тут,
Тарквиния изгнавший смелый Брут²⁹,
Корнелия, Помпеева супруга,
И Марция³⁰. От тесного их круга
Особняком держался Саладин³¹.
Я взор возвел, и знанья властелин³²
Явился мне, философов толпою
Со всех сторон с почтеньем окружен;
За ним Сократ виднелся, и Платон,
И тот, кто звал случайностью простою
Создание вселенной, — Демокрит³³,
Анаксагор³⁴, Фалес и Гераклит,
И Эмпедокл с Зеноном. Тень Орфея
Увидел я, Сенеки, Птоломея³⁵,
Сумевшего измерить глубь небес,

Тит-Ливия, ученого Эвклида,
Искусного врача Диоскорида.
Истолкователь слов Аверроэс³⁶
И Гиппократ с Галеном, с Авиценной³⁷ —
Предстали мне в их мудрости почтенной.
Но всех назвать, исчислить их вполне
Объем труда не позволяет мне,
И часто речь моя несовершенна.

Из шестерых, что составляли круг,
Лишь четверо остались,
Мирный луг
Покинул я и по стопам поэта
Направился к стране, лишенной света.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Так миновали первый адский круг
И во второй сошли мы по ступеням³⁸;
Он меньше был, но согрешившим теньям
Там выпало на долю больше мук.
Судья Минос³⁹ со скрежетом зубовным
Внимает там признаниям греховным,
И сколько раз он обовьется вкруг
Своим хвостом — на столько же ступеней
Спускается виновный ниже в ад⁴⁰.
Отягчены обильем преступлений,
Ему всегда их сонмы предстоят
И, вняв его суровому решению,
Спускаются в пучину, тишь за тишью.
Едва меня завидевши, Минос
Воскликнул так зловещими устами:
— «Зачем сюда, в приют скорбей и слез,
Приходишь ты? Широкими вратами
Уйти трудней отсюда, чем войти».
И возгласил наставник мудрый: — «Тише!

Не будь ему преградою в пути
И знай: на то есть повеленье свыше». —
Тут явственный ко мне донесся стон
Преступных душ. Я был над бездною тою
В той стороне, где грозной немотою
И самый свет навеки поражен,
Но весь простор, как волны океана,
Гудит во тьме. И там, среди тумана,
Крутя, бичуя душ преступных рой, —
Их мчат с собой порывы урагана.
Когда же вихрь к окраине скалы
Приносит их и с силой ударяет, —
На правосудье Божие хулы
Мятежный сонм со стоном изрыгает.

И я узнал, что каре столь ужасной
Верховный суд подверг нещадно тех,
Кто, негою влекомый сладострастной,
Искал себе лишь чувственных утех.
И, как скворцы бесчисленной станицей
Несутся вдаль с приходом злой зимы,
Так, отдыха не зная в царстве тьмы,
Несчастные кружились вереницей.
Как, вытянувшись нитью, журавли
Несутся вдаль с печально-резким криком,
Так сонмы их, сливаясь в вопле диком,
Кружились во мраке без конца.
И я спросил у мудрого певца:
— За что толпа виновная казнится?
— «Одна из них, — промолвил он, — царица,
Владычица когда-то славных стран,
Тех, где теперь правителем султан.
Наследовав от Нина царский сан,
Но чувственную жаждою объята,
Она была потворницей разврата;
Звалась Семирамидою она.
Другая с ней — преступная жена,

Которая себя лишила жизни⁴¹.
Вот Клеопатра, жертвою страстей
Слывущая; Елена рядом с ней,
Причина зол и стольких бед в отчизне;
Парис, Тристан, великий вождь Ахилл,
Который пал в бою своем с любовью⁴²,
И многие из тех, кто должен был
За грех любви платить своею кровью».

Я состраданье в сердце ощутил
Безмерное, узнав в собранье этом
Мне названных по имени поэтом
Так много славных рыцарей и жен.
И молвил я, глубоко потрясен:
— Наставник мой, дозволишь ли со словом
Участия ты обратиться мне
Вон к той чете, парящей в вышине?⁴³
— «Когда сюда в порыве вихря новом
Приблизятся они — останови
Их именем связавшей их любви!» —
Ответил он. И я, когда суровым
Порывом бурь примчало их сюда,
Возвысив голос, молвил им: — Когда,
О страждущие тени, в состоянье
Вы говорить, услышать дайте вас! —
И вот они, на мой призывный глас,
Как пламенем любовного желанья
Объятые внезапно голубки,
Которые, воздушны и легки,
Летят к гнезду, — спустилися покорно,
Паря во мгле зловещей и глетворной.
И молвила одна из них: — «О ты,
Исполненный величья, доброты,
Который к нам нисходишь в ад крошечный,
К нам, обагрившим кровью Божий мир,
Когда б Господь призыв услышал грешный,
Молила б я, чтоб даровал Он мир

СОДЕРЖАНИЕ

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ. <i>Перевод О. Чюминой</i>	5
НОВАЯ ЖИЗНЬ. <i>Перевод А. Эфроса</i>	403
СОНЕТЫ. <i>Перевод М. Солоновича</i>	
СОНЕТЫ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ПЕРИОДА	
XXXIX. «Не откажи, премудрый, сделай милость...» <i>Данте да Майяно — к стихотворцам</i>	471
XL. «Передо мной достойный ум явив...» <i>Данте Алигьери — к Данте да Майяно</i>	472
XLI. «Проверка золота на чистоту...» <i>Данте да Майяно — к Данте Алигьери</i>	473
XLII. «На вас познаний мантия — своя...» <i>Данте Алигьери — к Данте да Майяно</i>	474
XLIII. «Изысканным своим ответом вы...» <i>Данте да Майяно — к Данте Алигьери</i>	475
XLIV. «С кем говорю — ума не приложу...» <i>Данте Алигьери — к Данте да Майяно</i>	476
XLVI. «Амор велит, чтоб верно я любил...» <i>Данте да Майяно — к Данте Алигьери</i>	477
XLVII. «Познатье, благородство, мудрый взгляд...» <i>Данте Алигьери — к Данте да Майяно</i>	478
XLVIII. «Надеюсь, Липпо, ты меня прочтешь...» <i>К Липпо (Паски де'Барди)</i>	479
LI. «Вовек не искупить своей вины...»	480
LIX. «Я ухожу. Виновнику разлуки...»	481
LX. «О бог любви, прошу, поговорим...»	482
LXI. «Ату! Ату! Борзых остервененье...»	483
LXIII. «Смотри, сонет, приветственное слово...». <i>К Меуччо да Сиена</i>	484
LXV. «Любимой очи излучают свет...»	485
LXVI. «Я вам одной — и больше никому...»	486
LXIX. «Судьба мне эту встречу подарила...»	487

Содержание

LXX. «Какая одолела вас тревога...»	488
LXXI. «Что омрачило, дамы, ваши лица?..»	489
LXXII. «Ко мне Тоска пришла в один из дней...»	490
LXXIII. «Страдает кашлем бедная жена...». Данте — к Форезе Донати	491
LXXIV. «Среди ночи кашель на меня нашел...». Форезе — к Данте	492
LXXV. «Верьь Соломона и тебе грозит...». Данте — к Форезе	493
LXXVI. «В Сан-Галло лучше все верни, что взял...». Форезе — к Данте	494
LXXVII. «О Биччи новый, сын — не знаю чей...». Данте — к Форезе	495
LXXVIII. «Известно мне, ты — Алагьеро сын...». Форезе — к Данте	496
XCII. «О Данте, ты с другими не сравним...» <i>Неизвестный друг — к Данте</i>	497
XCIII. «Я — Дант — тебе, кто на меня сослался...» <i>Данте — к Неизвестному другу</i>	498
CXVII. «Путем, которым в сердце красота...»	499
CXVIII. «Лизетту от позора убережь...». Альдобрандино Медзабати <i>из Падуи — к Данте по поводу предыдущего сонета</i>	500
СОНЕТЫ, НАПИСАННЫЕ В ИЗГНАНИИ	
LXXXV. «О сладостный сонет, ты речь ведешь...»	501
LXXXVI. «Две дамы, завладев моей душой...»	502
LXXXIX. «Какой другой смельчак в глаза глядеть...»	503
XCIX. «Мессер Брунетто, отнесите чутко...» <i>Данте — к мессеру Брунетто Бруниеллески</i>	504
LXII. «Чем больше истязает батогами...». Данте — к Неизвестному	505
XCIV. «О новой даме речь ведет опять...». Чино да Пистойя — к Данте	506
XCV. «Я видел срубленный под корень ствол...» <i>Данте — к Чино да Пистойя</i>	507
XCVI. «Затем что здесь никто достойных слов...» <i>Данте — к Чино да Пистойя</i>	508
CXII. «Я минерал мечтал найти златой...» <i>Чино да Пистойя — к маркизу Мороелло Маластина</i>	509
CXIII. «Достойны вы сокровища любого...» <i>Данте от имени маркиза Мороелло Маластина — к Чино да Пистойя</i>	510
CXIV. «Я полагал, что мы навек отдели...». Данте — к Чино да Пистойя	511
CXV. «С тех пор, о Данте, как меня изгнали...» <i>Чино да Пистойя — к Данте</i>	512
CV. «Недолго мне слезами разразиться...»	513
КОММЕНТАРИИ	
Божественная комедия. Т. Быстрова	514
Новая Жизнь. С. Аверинцев, А. Михайлов	592

Литературно-художественное издание

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ
МАЛОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Ответственный редактор Анна Сарафанова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Маргарита Ахметова, Светлана Федорова,
Анна Быстрова, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 06.07.2020. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 38. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в филиале «Тульская типография» ООО «УК» «ИРМА».
300026, г. Тула, пр. Ленина, 109

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru
Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

V-AMS-27833-01-R